

Джордж Элиот

Феликс Гольт, радикал

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э46

Э46 **Элиот Д.**
Феликс Гольт, радикал / Джордж Элиот – М.: Книга по Требованию, 2023. – 479 с.

ISBN 978-5-521-39127-1

ISBN 978-5-521-39127-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нымъ огородамъ и съ конусообразной бесѣдкой изъ тиса. Но всюду живыя изгороди истощали почву своей безалаберно-размашистой красотой, прокрадываясь кошкой-орѣшникомъ вдоль травянистыхъ окраинъ пастбищъ или помахивая долговязыми вѣтвями ежевики надъ нивами. Можетъ быть эти изгороди пестрѣли мѣстами бѣлымъ цвѣтомъ боярышника и блѣдно-краснымъ шиповникомъ; можетъ быть даже около нихъ видѣлись ребятишки, собирая орѣхи и лѣсные яблоки. Стоило постранствовать хотя бы только для того, чтобы поглядѣть на эти живыя изгороди, вольныя пріюты некупленныхъ красотъ — багряной листвы, усѣянной яхонтовыми ягодами, длиннхъ выюнковъ, расползающихся и раскидывающихся во все стороны, образуя логи изъ блѣдно-зеленыхъ сердецъ и бѣлыхъ трубокъ, — вѣтвистой жимолости, кроющей въ тонкомъ ароматѣ своемъ прелесть выше, изящнѣе вѣтшней красоты. А зимой эти же самыя изгороди выставляли напоказъ кораллы — пурпуровыя ягоды боярышника, темномалиновыя ягоды шиповника на темнокоричневомъ фонѣ листвы, какъ бы желая перещеголять алмазы пшморози. Изгороди эти были зачастую въ уровень съ крестьянскими избами, тянувшимися рядами вдоль дорогъ или кучившимися маленькими деревушками, низенькія оконца которыхъ, какъ подслѣповатыя глаза, говорили о непроглядной тѣмѣ, царившей внутри. Пассажиръ на козлахъ малюпста, проѣзжая мимо такихъ деревушекъ, видѣлъ только однѣ крыши; по всей вѣроятности дома стояли тамъ спиной къ дорогѣ, чуждые всему на свѣтѣ, кромѣ своего клочка земли и неба, отлученные отъ приходской церкви широкими полями и зелеными тропинками. Еслибъ можно было заглянуть имъ въ фасадъ, онъ непременно оказался бы грязнымъ; но то была протестантская грязь, и высокіе, смѣлые, отдающіе джиномъ пѣшеходы на тропинкахъ были протестантскими пѣшеходами. Нигдѣ ни образцовъ, ни распятій, хотя жители деревушекъ вписывали себя въ цензъ членами англійской церкви, выставляя большіе кресты по безграмотности.

Но тамъ были и хорошенькія, веселенькія деревни, съ чистымъ приходскимъ домкомъ и посѣдѣвшей отъ времени церковью; изъ кузницъ доносился веселый стукъ молота, у дверей стояли кроткія деревенскія клячи, понутивъ головы; корзинщики раскидывалъ на солнцѣ ивовыя прутья; ко-

лесникъ докрашивалъ синюю телѣгу съ красными колесами; мѣстами видѣлись дачки съ цвѣтущей геранью или бальзаминомъ въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ окнахъ и съ маленькими палисадничками, полными махровыхъ маргаритокъ и левкоевъ; у колодца стояла опрятная, благообразная женщина съ ведрами на коромыслѣ, а по дорожкѣ въ бесплатную школу плелись маленькіе Бритты, побрякивая бабками въ карманахъ оборванныхъ тиковыхъ куртокъ, съ мѣдными пуговицами. Земля окрестъ стала мергельная, тучная, на задворкахъ громоздились огромныя скирды хлѣба; дачи принадлежали богатымъ фермерамъ, сохранявшимъ хлѣбъ дома до повышенія цѣнъ. Кто нибудь изъ нихъ непремѣнно обгонялъ дилижансъ по пути къ дальнему полю или къ ярморочному городу, тяжело сидя на отлично выѣзженной лошади или перевѣшивая на сторону оливково-зеленый кабріолетъ. Они вѣроятно смотрѣли на дилижансъ не безъ нѣкотораго презрѣнія, какъ на учрежденіе для люда, не имѣющаго собственныхъ кабріолетовъ или ѣздащаго въ Лондонъ и другія отдаленныя мѣста и, стало быть, принадлежащаго къ торгующей и менѣ стойкой, менѣ солидной части націи. Пассажиръ на козлахъ видѣлъ цѣлыя области, заселенныя отъявленными оптимистами, глубоко убѣжденными въ превосходствѣ старой Англіи надъ всѣми возможными странами и въ томъ, что все не попавшее подъ личное ихъ наблюденіе, — факты, не стоящіе никакого вниманія: области чистенькихъ ярморочныхъ городковъ безъ мануфактуръ, жирныхъ обывателей, аристократическаго духовенства и низкой таксы для бѣдныхъ. Но сцена постепенно измѣнялась: окрестность начинала чернѣть угольными копями, изъ селъ и деревень доносилось бречанье инструментовъ. Тамъ рослые, мощные люди, сгорбленные постоянной работой въ копяхъ, шли домой, чтобы броситься на полъ, не раздѣваясь, въ грязной фланели, и проспать до разсвѣта, съ тѣмъ чтобы потомъ встать и пропить большую часть высокой задѣльной платы въ портерной; тамъ блѣдныя, озабоченныя лица ткачей, мужчинъ и женщинъ, истомленныхъ позднимъ сидѣньемъ за недѣльнымъ урокомъ, начатымъ только еще со среды. Тамъ всюду дома и дѣти были грязны, потому что матери отдавали все время, всѣ силы ткацкимъ станкамъ; можетъ быть всѣ онѣ были набожными диссидентками, полагавшими, что спасеніе зависитъ главнымъ

образомъ отъ предопредѣленія, а не отъ опрятности. Внѣшность церквей утрачивала религіозный характеръ: сами церкви были только помѣщеніями для митинговъ, отчасти уравнивавшими магнитную силу полпивныхъ. Дыханіе мануфактурнаго города, затуманивающее дни и образующее на горизонтѣ красное зарево по ночамъ, расплзлось по окрестности и наполняло воздухъ неугомонной тревогой. Тамъ населеніе не думало, что старая Англія лучше всего на свѣтѣ; тамъ было множество мужчинъ и женщинъ, сознававшихъ, что ихъ воззрѣнія несовсѣмъ сходны съ воззрѣніями болѣе свѣтлыми и широкими правителей, которые потому могли бы быть лучше ихъ, и будучи лучше ихъ, могли бы измѣнить многое, теперь вносящее въ міръ Божій больше горя и заботъ, и ужъ во всякомъ случаѣ больше грѣха, чѣмъ слѣдовало бы. Были тамъ и старыя колокольни, и кладбища съ валомъ, густо поросшимъ травой и съ почтенными надгробными плитами, дремавшими на солнышкѣ; были тамъ и широкія поля, и старинныя рощи по холмамъ или вдоль дорогъ, непроглядно закрывающія господскіе дома и парки отъ рабочаго, будничнаго люда. Путешественникъ быстро переходилъ отъ одного фазиса англійской жизни къ другому: за деревней, почернѣвшей отъ угольной копоти, оглушающей стукомъ молотовъ, появлялся приходъ весь въ поляхъ, высокихъ изгородахъ, съ глубокими бороздами вдоль проселковъ. Прогремѣвъ по мостовой мануфактурнаго города съ торговыми митингами, съ неугомоннымъ рабочимъ людомъ, дилижансъ черезъ десять минутъ оказывался въ совершенно сельской средѣ, гдѣ сосѣдство города чувствовалось только въ выгнѣ близкаго сбыта для хлѣба, сыра и сѣна, и гдѣ люди съ значительнымъ вкладомъ въ банкъ обыкновенно говаривали, что они „не вмѣшиваются въ политику“. Неугомонные центры колесъ и челноковъ, раскаленныхъ горнилъ, шахтъ и блоковъ составляли какъ бы шумныя, людныя гнѣзда посреди просторной, медленно ползущей жизни деревень, заходустныхъ дачъ и парковъ, осыненныхъ столѣтними дубами. Глядя на дома, разбросанные по лѣсистымъ равнинамъ и вспаханымъ нагорьямъ, подъ низенькимъ и серенькимъ небомъ, висѣвшимъ надъ ними съ томительно неизмѣннымъ безмолвіемъ, путешественнику становилось яснымъ, что между городомъ и деревней нѣтъ ничего общаго, кромѣ тѣхъ мѣстнос-

тей, гдѣ рабочій людъ стелется далеко захватывающей каймой вокругъ большихъ центровъ мануфактурной дѣятельности. Онъ убѣждался, что со временъ католическихъ смутъ въ 29, англійскіе сельчане столько же слышали о католикахъ, какъ о допотопныхъ ископаемыхъ, что ихъ понятіе о реформѣ — какая-то туманная комбинація стачекъ, Ноттингамскаго бунта и вообще всего, что вызываетъ противодѣйствіе полиціи, и наконецъ, что большинство изъ нихъ противъ плодоперемѣнной системы и за паровое поле.

Возница можетъ быть разсказалъ бы, какъ въ одномъ приходѣ фермера-прогрессиста, толковавшаго о сэрѣ Гумфри Деви *), выжили какъ гнуснаго радикала; какъ пасторъ сказалъ на воскресной проповѣди: „вспахивайте залежи сердецъ вашихъ“, а народъ подумалъ, что онъ выдумалъ этотъ текстъ изъ своей головы, что иначе онъ не вышелъ бы такъ „экстатично“; но когда нашли точно такой же текстъ въ библіи, придя домой, то кто-то замѣтилъ, что это должно быть насчетъ паровыхъ полей. Случись на грѣхъ, что на слѣдующее же утро пастора разбилъ параличъ. Все это вмѣстѣ такъ возстановило приходъ противъ фермера-прогрессиста и плодоперемѣнной системы, что тому пришлось отказать отъ аренды.

Возница былъ отличнымъ спутникомъ и комментаторомъ окрестностей: онъ называлъ поименно мѣстности и личности и объяснялъ ихъ значеніе не хуже тѣни Виргилія въ болѣе достопамятномъ путешествіи; у него было столько розказней о приходахъ и людяхъ, жившихъ въ нихъ, какъ у странника въ Энеидѣ, только съ нѣкоторою разницею въ слогѣ. Возвративъ его на жизнь были первоначально самаго веселаго свойства, какъ и подобало человѣку въ такомъ удобномъ и безспорно авторитетномъ положеніи, но расстройство желѣзныхъ дорогъ отравило ему существованіе: ему стали мерещиться дороги, устроенныя оторванными членами, и онъ видѣлъ въ смерти Гускиссона **) доказательство Божьяго гнѣва на Стефенсона. „Какъ, всѣ гостиницы по дорогамъ закроются!“ И при этомъ возница устрем-

*) Знаменитый химикъ и агрономъ.

**) Известный государственный чловѣкъ въ Англіи, умершій въ 1838 году вслѣдствіе несчастія на желѣзной дорогѣ.

лялся тревожнымъ взоромъ впередъ, какъ будто кони примчали его на самый край вселенной и готовы были низвергнуться въ бездну. Но онъ скоро переходилъ отъ повышеннаго, пророческаго тона къ обыденному, будничному тону разсказа. Называлъ земли, черезъ которыя приходилось ѣхать; зналъ, какіе племена помѣщики разорились на игрѣ; у кого шли дѣла хорошо, и кто былъ на ножахъ со старшимъ сыномъ. Онъ быть можетъ помнилъ отцовъ теперешнихъ баронетовъ и зналъ много разсказовъ о закулисной сторонѣ ихъ домашняго быта; на комъ они были женаты, кого хлестали плетью, какъ охотились и какъ прокладывали каналы. Онъ зналъ достовѣрно, былъ ли и теперешній землевладѣлецъ за реформу или противъ реформы. Въ послѣднее время вышла такая оказія, что и люди богатые, люди древнихъ родовъ стали подавать голосъ въ пользу билли... но онъ не останавливался долго на этомъ парадоксѣ, очень забавномъ, по его мнѣнію;—онъ обходилъ его съ благоразуміемъ опытнаго богослова или ученаго схоластика, предпочитая указывать бичемъ на предметы, неспособные возбуждать вопросовъ или недоумѣній.

Никакой парадоксъ не смущалъ нашего возницу, когда, оставивъ за собою городъ Треби Магна, онъ проѣхалъ проселкомъ около мили, перекатилъ черезъ длинный мостъ на рѣкѣ Лаппѣ и пустилъ лошадей вскачь на гору, минуя низко-гнѣздящуюся деревушку Малыя Треби. Мы наконецъ очутились на отлично-выровненной дорогѣ, обставленной по одну сторону высокими лиственницами, дубами и развѣсистыми вязами, мѣстами разступавшимися до того, что путешественнику видѣнъ былъ паркъ позади ихъ.

Сколько разъ въ году, когда дилижансъ проѣзжалъ мимо заброшенныхъ хижинъ, раздвигавшихъ ширму деревь, за которыми видѣлись извивы рѣки по тѣнистому парку,—возница отвѣчалъ на одинъ и тотъ же вопросъ, или говорилъ одно и то же, не дожидаясь вопроса: Это?—о, это Тренсомъ Кортъ, изъ-за котораго у насъ было не мало тяжбъ. Нѣсколько поколѣній назадъ, наслѣдникъ имени Тренсомъ сбывъ дѣдовское помѣстье, и оно попало въ руки къ Дурфи, очень дальней роднѣ, которые стали называться Тренсомъ Кортъ. Но права Дурфи не разъ оспаривали впоследствии, и возница, еслибъ его спросили, сказалъ бы можетъ статься, что старый Кортъ не всегда попадалъ въ добрыя

руки. Адвокаты, между тѣмъ, грѣли себѣ руки и набивали карманы, а людямъ, получавшимъ ихъ стараньями старое наслѣдье, приходилось сплошь и рядомъ жить не завиднѣе мыши въ пустомъ сырномъ кругѣ; такъ было дѣло и съ теперешними Дурфи или Тренсомами, какъ они себя называли. „Самъ“—бѣдный, полуумный старикъ; зато „сама“—барыня, какъ быть должно, изъ знатнаго дома и, ухъ, какая умница!—сейчасъ по глазамъ видно и по тому, какъ она сидитъ на лошади. Сорокъ лѣтъ назадъ, когда она только что пріѣхала сюда, говорятъ, что она была картинка; но родители у нея были бѣдные, и потому ей пришлось идти за несуразнаго Тренсома. И старшій сынъ былъ точь-въ-точь отецъ, только еще хуже—якшался со всякой дрянью. Говорятъ, что мать ненавидѣла его и желала, чтобы онъ умеръ; потому что у нея былъ еще другой сынъ, совсѣмъ другаго склада, уѣхавшій въ молодыхъ годахъ куда-то далеко. Ей хотѣлось сдѣлать его наслѣдникомъ. Въ ожиданіи настоящаго наслѣдника, адвокатъ Джерминъ понажился около наслѣдства. Двери въ новомъ большомъ домѣ его были изъ отличнаго, полированнаго дуба, Тренсомскихъ лѣсовъ конечно. И конечно онъ увѣрялъ, что дорого заплатилъ за нихъ. Адвокатъ Джерминъ не разъ и не два спживалъ на этихъ козлахъ. Онъ поставлялъ духовныя завѣщанія на весь околотокъ. Возница пожалуй былъ бы не прочь и свое завѣщаніе сдѣлать при помощи Джермина современемъ. Адвокату вѣдь не слѣдъ быть черезъ-чуръ честнымъ, онъ долженъ быть отчасти пройдохой, чтобы умѣть провести и вывести, въ случаѣ надобности, и самому никогда не попасться въ просакъ. Такимъ образомъ и въ дѣлахъ Тренсомовъ было стараньями адвокатовъ столько нагорожено разныхъ огороговъ, что вы ровно ничего не поняли бы, еслибъ вздумали заглянуть въ ихъ архивы... При этомъ Самсонъ (кто въ Ломшайрѣ не знаетъ ямщика Самсона?) корчилъ гримасу, выражавшую полный нейтралитетъ, и норовилъ хлеснуть лошадь непремѣнно въ правый бокъ. Если пассажиръ изъявлялъ желаніе узнать еще что нибудь насчетъ Тренсомовъ, Самсонъ покачивалъ головой, и говорилъ, что въ его время много-много-таки ходило разныхъ интересныхъ исторій; но какія именно были эти исторіи—не сказывалъ. Одни приписывали это умалчиваніе благоразумной осторожности, другіе-безпамятству, третьи-просто незнанію. Но Сам-

сонъ былъ правъ, говоря, что было много интересныхъ исторій, подразумѣвая иронически исторіи, не дѣлающія чести тѣмъ, кто въ нихъ участвовалъ.

А между тѣмъ многія изъ этихъ исторій были интересны и не въ ироническомъ смыслѣ; потому что рѣдко дурныя, темныя дѣла не влекутъ за собой разрушенія слѣпыхъ надеждъ, горькихъ страданій, неудовлетворенныхъ желаній, застарѣлыхъ, хроническихъ болѣзней, проклятій въ видѣ жалкаго, убогаго потомства, —какой-нибудь трагической связи между кратковременной жизнью дѣтей и предшествовавшей долгою жизнью отцовъ—связи, поражающей состраданіемъ и ужасомъ людей съ тѣхъ поръ, какъ они стали различать производъ отъ рока. Но все это часто остается неизвѣстнымъ міру; потому что большая часть страданій безмолвна, и вибрація человѣческихъ мукъ—только шепотъ въ общемъ ревѣ и гулѣ жизни. Взгляды ненависти не вызываютъ криковъ помощи; грабежи, оставляющіе людей навсегда лишенными покоя и радости, не вызываютъ никакого протеста, кромѣ тихихъ стоновъ по ночамъ, не видны ни въ какихъ письменахъ, кромѣ тѣхъ іероглифовъ, которыми испещряютъ лицо долгіе мѣсяцы сдержанной тоски и тайныхъ слезъ.

Поэты рассказываютъ о заколдованномъ лѣсѣ въ подземномъ царствѣ. Кусты терновника и заплѣснѣвѣлые пни кроютъ въ себѣ человѣческія скорби и преступленія; въ безстрастныхъ на видъ вѣтвяхъ сдержаны крики и стоны, и алая, горячая кровь питаетъ трепетные нервы неотступнаго воспоминанія. Это—притча.

ГЛАВА I.

Перваго сентибря, въ достопамятный 1832-й годъ, въ Тренсомъ-Кортъ ждали кого-то. Въ два часа пополудни старый привратникъ открылъ тяжелыя ворота, зеленѣвшія, какъ зеленѣютъ древесныя пни подъ плѣсенью, осѣдающей годами. Въ деревушкѣ Малыя-Треби, лѣпившейся на скатъ крутой горы неподалеку отъ барскихъ воротъ, сидѣли старушки, въ праздничныхъ платьяхъ, у дверей домиковъ, обрамлявшихъ дорогу, совсѣмъ готовыя встать и отвѣсить поклонъ, какъ только покажется дорожная карета; а за околпцей стояло нѣсколько ребятишекъ насторожъ, намѣреваясь пуститься безъ оглядки къ старой церкви, смахивавшей издали на ригу, гдѣ на колокольнѣ сидѣлъ уже пономарь, готоваясь грянуть въ единственный колоколъ.

Старый привратникъ открылъ ворота и препоручилъ ихъ хромой женѣ. Ему самому нужно было сходить въ Кортъ, подмести листья и заглянуть въ конюшни; потому что хотя Тренсомъ-Кортъ былъ большимъ домомъ, во вкусѣ королевѣ Анны, съ паркомъ, чуть ли не самымъ красивымъ въ Ломшайрѣ,—при немъ было весьма немного слугъ. Особенно страдалъ онъ, должно быть, отсутствіемъ садовниковъ; потому что кромѣ небольшой и довольно чистенькой клумбы передъ каменной террасой у фасада, цвѣтовъ не было рѣшительно нигдѣ, и дорожки поросли травой. Много оконъ было закрыто ставнями, и подъ большой шотландской пихтой, раскинувшейся около одного изъ угловъ, иглы, падавшія годами, образовали цѣлый холмъ, какъ-разъ противъ двухъ заколоченныхъ оконъ. Всюду вокругъ стояли величественныя деревья, недвижно въ солнечномъ сіяніи, и, какъ всѣ большіе неподвижные предметы, словно способствовали увеличенію безмолвія. Только и слышались иногда шелестъ падающаго листа, тихое трепетанье лепестковъ; пролетала тяжелая ночная бабочка и вдругъ падала какъ подстрѣленная; крошечныя птички безпечно прыгали по дорожкамъ; даже кролики грызли опавшіе листья по заросшимъ тропинкамъ съ несвойственной такимъ трусливымъ

созданіямъ дерзостью. Только и слышно было, что сонное жужжанье п одообразный ропотъ рѣки, протекавшей черезъ пороги. Стоя на южной или восточной сторонѣ дома, вы бы низачто не подумали, что кого нибудь ожидали.

Но съ восточной стороны ворота подъ каменной аркой были открыты настежь; настежь же была открыта и двойная дверь съней съ мраморными колоннами, статуями и съ широкой каменной лѣстницей. И самымъ явнымъ признакомъ ожиданія служило то, что изъ одной изъ дверей, выходящихъ въ пріемную, время отъ времени показывалась женщина, неслышно проходила по гладкому каменному полу, приостанавливалась на верху лѣстницы и прислушивалась. Она ходила неслышно потому, что вся она была стройная и изящная, хотя ей было между пятьюдесятью и шестьюдесятью. Она была высока, величава; сѣдые волосы ея были густы, глаза и брови темны; что-то орлиное проглядывало въ лицѣ ея, все еще прекрасномъ и женственномъ. Сильно поношенное платье плотно облегалo ей станъ; тонкое кружево воротничка и небольшой косыночки, падавшей съ высокой гребенки, было въ нѣсколькихъ мѣстахъ подштопано; но дорогіе камни сверкали на рукахъ, казавшихся изящными камнями на темномъ фонѣ платья.

М-съ Тренсомъ нѣсколько разъ напрасно подходила къ лѣстницѣ. Всякій разъ она возвращалась въ ту же комнату: комната была уютная, средней величины. Низенькія книжныя полки чернаго дерева тянулись вокругъ стѣнъ. То была прихожая передъ большой библіотекой, выглядывавшей изъ-за открытой двери, наполовину завѣшенной тяжелой ковровой драпировкой. Въ этой небольшой комнатѣ было довольно много потускнѣвшей позолоты на стѣнахъ и мебели, но картины надъ книжными полками были все веселаго содержанія: пастельные портреты бѣлоснѣжныхъ дамъ съ напудренными волосами, голубыми бантами и открытыми корсажами; великофѣиный портретъ масляными красками одного изъ Тренсомовъ въ роскошномъ костюмѣ реставраціи; другой портретъ Тренсома въ дѣтствѣ, съ рукою на шеѣ маленькаго пони, и огромная фламандская картина, изображавшая какое-то сраженіе, на которой собственно война составляла только синекрасный аксессуаръ огромныхъ пространствъ земли и неба; озаренныхъ солнцемъ. Можетъ быть эти веселыя картины повѣшены были

здѣсь потому, что въ этой комнатѣ обыкновенно сидѣла м-съ Тренсомъ,—и ужъ положительно поэтому возлѣ кресла, на которое она садилась всякій разъ по возвращеніи съ лѣстницы, висѣло изображеніе молодаго лица, чрезвычайно похожаго на ея собственное: безбородое, но мужественное лицо съ густыми темными волосами, нависшими на лобъ и падавшими по обѣимъ сторонамъ лица до широкаго воротничка. Возлѣ кресла ея стоялъ письменный столъ; на столѣ видѣлась расходная книга въ кожаномъ переплетѣ, шкатулка съ разными разностями, корзинка съ работой, фоліантъ архитектурныхъ гравюръ, съ которыхъ она снимала рисунки для своего руководя, нумеръ Ломшайрской газеты и подушка для жирной собаченки, слишкомъ старой и сонной, для того чтобы принимать участіе въ тревогѣ своей госпожи. М-съ Тренсомъ не могла на этотъ разъ сократить скучное однообразіе дня своими обычными домашними занятіями. Она вся сосредоточилась на воспоминаніяхъ и мечтахъ: время отъ времени вставала и подходила къ лѣстницѣ, опять возвращалась, сидѣла, недвижно сложивъ руки, безсознательно поглядывая на портретъ, висѣвшій возлѣ нея, и всякій разъ, встрѣтивъ его молодые темные глаза, отворачивалась въ твердую рѣшимости не глядѣть больше.

Наконецъ, какъ будто пораженная какою-нибудь внезапною мыслью или звукомъ, она встала и быстро прошла въ библіотеку. Тутъ она остановилась въ дверяхъ, не говоря ни слова: очевидно ей хотѣлось только посмотреть, что тамъ дѣлалось. Человѣкъ лѣтъ семидесяти перебиралъ на большомъ столѣ множество мелкихъ ящичковъ съ наѣкомыми и разными минералогическими образцами. Его блѣдные, кроткіе глаза, впалая нижняя челюсть и тонкія слабыя чертанія всей фигуры никогда не должны были выражать много энергіи физической или нравственной; теперь же къ этому присоединялась нѣкоторая кривизна и дрожаніе членовъ, изобличавшія недавно пережитый припадокъ паралича. Старенькое платьѣ на немъ было тщательно вычищено; мягкіе сѣдые волосы расчесаны; то былъ опрятный старичекъ. Возлѣ него прекрасная охотничья собака, тоже старая, сидѣла на заднихъ лапахъ и внимательно слѣдила за его движеніями. Когда въ дверяхъ показалась м-съ Тренсомъ, мужъ ея бросилъ дѣло и сѣлся какъ робкое жи-